

АНАТОЛИЙ БЕЛЯЕВ

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

рассказы

Баня по-карельски

БАНЯ ПО-КАРЕЛЬСКИ

На всей территории огромной страны, занимающей одну шестую часть суши, геологические экспедиции вели поиски месторождений урана. Покрыть такую территорию пешеходными маршрутами с радиометрами было невозможно, поэтому с самолетов, оборудованных чувствительными гамма-датчиками, производилась аэрогаммасъемка. Обнаруженные аномалии гамма-поля. надо было заверить и в эти районы обычно направляли группы, состоящие из геолога и радиометриста. Они на месте делали глазомерную топографическую съемку, составляли схему геологического строения участка и устанавливали причину аномального гамма-поля. Именно для такого характера работ в урановых экспедициях и готовили студентов-радиоактивщиков в ЛГУ на учебной геологической практике в Карелии.

В конце мая, когда с Ладоги порывами налетал холодный западный ветер, пригонявший к берегу остатки серых не растаявших льдин, на берегу озера недалеко от поселка Юляристи студенты и преподаватели разбивали палаточный лагерь. Живописная лесная поляна с изум-

рудной весенней травкой идеально подходила для лагерь. Не верилось, что в девятнадцатом веке здесь был рудный двор, стоял грохот тележек, подвозивших железную руду, кокс и флюс, и высокая домна извергала в небо клубы черного дыма. А когда созревала плавка чугуна, то из огнедышащей лётки как из жерла вулкана прямо в ладожскую воду изливался расплавленный шлак и застывал, превращаясь в разноцветные синезеленые стекла.

На этой учебной практике все должно было имитировать суровые условия геологического десанта – глазомерная топографическая съемка сильно пересеченной местности, составление схемы геологического строения участка и, при этом, жизнь в палатках, тяжелые маршруты, кухня на костре, умывание в ледяной ладожской воде.

В один год имитация тяжелых бытовых условий особенно удалась. На вокзале в Питкяранте нас ждал автобус, заранее арендованный в этот день в местном автотранспортном предприятии всего на два часа. Когда мы прибыли на поляну, где обычно устанавливали лагерь, хлынул проливной холодный дождь. Сидеть в машине и ждать окончания ливня, не было возможности, так как автобусу надо было срочно уезжать обслуживать городской маршрут. Водитель предложил вернуться в зал ожидания на железнодорожный вокзал и обещал снова подвести нас на поляну, когда дождь закончится. Но если такой ливень продолжится еще час, то палатки в луже не поставишь.

Студенты третьего курса уже настоящие геологи, прошедшие две полевые геологические практики, и ни-

кто из них не занял по поводу дождя. А я, как куратор этой группы, обязан был показывать ребятам пример.

Замотавшись в полиэтиленовую накидку, я сбегал в лес и вырубил длинный центральный кол для шатровой десятиместной палатки. Прямо в автобусе на кол надели верх палатки. Пришлось еще раз выскочить на дождь и на месте установки палатки кувалдой забить в землю четыре колышка. Пятеро студентов с палаткой наперевес и с криком «на abordаж» выскочили на дождь. Мы со студентом Алексеем Морозовым залезли внутрь палатки, и вдвоем подняли ее крышу, установив кол в вертикальном положении. Остальные четверо ребят одновременно натянули растяжки по углам и привязали их к вбитым в землю колышкам. Палатка расправила крылья, и плацдарм был захвачен. Дождь бессильно барабанил по натянутому брезенту. Быстро перетаскивали в палатку рюкзаки и снаряжение. Автобус сгонял в поселок и привез еще несколько палаток, колья и стойки для их установки, которые мы хранили в сарае местного жителя Матти Торонена.

Под дождем поставили все остальные палатки. Студенты были очень довольны такой победой и радовались приключению.

«Вот она, какая баня по-карельски», – смеялись они, не подозревая, что настоящие испытания еще впереди.

Наконец дождь прекратился. На кирпичных развалинах домны студенты водрузили экспедиционный флаг. В центре лагеря собрали длинный обеденный стол из деревянных щитов. И, наконец, преподаватель Александр Сергеевич Воинов прочитал студентам вводную лекцию о геологическом строении Северного Приладожья.

Александр Сергеевич был кандидатом геолого-минералогических наук и моим учителем. Несколько лет назад в этом же районе, будучи студентом третьего курса, я проходил под его руководством учебную геологическую практику, а на пятом курсе он был научным руководителем моей дипломной работы. На одну восьмую Воинов был вепс и очень гордился своей кровной принадлежностью к этому маленькому, но чрезвычайно гордому народу. Бравируя реликтовым угро-финским акцентом, он иногда даже позволял себе нарочитую несогласованность в устной речи, типа: «какая сильная сегодня ветер».

Александр Сергеевич блестяще читал лекции – убедительно, логично и понятно. Я слушал его много раз и всегда удивлялся и завидовал таланту Учителя. Однажды проходя по коридору кафедры геологии и поисков месторождений радиоактивных элементов, где мы работали, я услышал за дверью аудитории громкий голос преподавателя.

«Кому это Воинов так упоительно читает лекцию?» – спросил я нашего сотрудника Алексея Мазалова.

«Третьему курсу. Только в аудитории всего один студент Хаецкий».

Этот студент, как, впрочем, и я сам, имел обыкновенные засыпать на лекции через пять минут после начала. Такая у некоторых людей тормозная система.

«А если Хаецкий уже спит? – вдруг сообразил я, – Тогда выходит Воинов сам себе лекцию читает?»

После лекции Хаецкий признался мне, что Воинов все-таки обиделся и предупредил: «Если в следующий раз вас будет еще меньше, то я лекцию читать не буду».

В конце вводной лекции Александр Сергеевич рассказал студентам, о том, что им предстоит геологическая съемка сложнодислоцированных (измятых в складки и смещенных разломами) метаморфических толщ. Разбившись на бригады, студенты должны составить схему геологического строения небольшой гранитогнейсовой куполовидной структуры, которая располагается на мысе Ристиниеми.

– «Ристи» в переводе с финского крест, а «ниеми» – окончание названий для всех мысов, – уточнил Александр Сергеевич.

– Вы рассказали три точки зрения на происхождение куполовидных гранитогнейсовых структур, – с ехидцей спросил преподавателя студент, которого все ребята называли Сатанюк, – а как же они образовались в действительности?

– На этот вопрос вы попытаетесь ответить сами, когда закончите съемку и построите схему геологического строения Ристиниемской куполовидной структуры.

– Значит, Вы не знаете, какая из трех гипотез верна?

– Да, не знаю.

– Ну, тогда преподаватели должны сначала сами выяснить истину, а потом и спрашивать студентов, – торжествующе заключил Сатанюк.

За столом повисла неодобрительная тишина. Студентам явно не понравилась выходка их товарища.

Но Воинов несколько не смутился.

– На прошлогодней практике во время сдачи зачета на вопрос «как образуются куполовидные гранитогнейсовые структуры» студент Антонов мне ответил:

«Я знал, но забыл!»

«А вы точно знали, как они образовались?»

«Да, точно знал, но забыл!»

«Жаль, – говорю я, – один человек в мире точно знал, как образовались куполовидные гранитогнейсовые структуры, и тот забыл!»

Так что если вы хотите знать точно, как они образовались, поинтересуйтесь у Антонова, может, он уже вспомнил?

– Как же можно успешно искать полезные ископаемые, если у геологов нет единой точки зрения даже на историю геологического строения района? – с ноткой разочарования в голосе спросила Алена Макарьева.

– Геологические знания, как, впрочем, и все другие, относительны. Два века тому назад в поисковой геологии господствовала парадигма о рудных жилах. Проще говоря, считалось, что руды залегают в форме жил и надо искать, куда идут эти жилы. При всей примитивности такой концепции древние рудокопы успешно искали и разрабатывали в Саксонии месторождения свинца, цинка и олова.

Примостившись на краешке стола, лекцию внимательно слушала Лена Руденко – лаборантка нашей кафедры. Она тоже была студентка, но находилась в академическом отпуске и, поэтому, на практике была поварихой. Лена привезла собаку – восточносибирскую лайку по имени Урнай, которого все почему-то называли Юш. Пес много раз бывал в экспедициях с отцом Лены – известным на Северо-западе геологом. Пока Воинов читал лекцию Урнай, забравшись под обеденный стол, с наслаждением вылизывал банку из под тушенки. Это был самый очеловеченный пес, которого я встречал. Он понимал абсолютно все, что ему говорили. Покончив с

банкой, Юш пробрался между ног студентов, вылез из под стола, и вразвалочку направился в лес.

– Ты куда? – негромко спросила собаку хозяйка.

За столом вдруг образовалась тишина, и взоры ребят обратились на Урная.

Юш почувствовал всеобщее внимание, остановился, и, не поворачивая головы, развернул уши назад, с целью определить к нему ли относится этот вопрос. Пес шевельнул хвостом, крутой баранкой закрученным на левую сторону, спрашивая: «Это вы мне?»

– Кто за тобой убирать будет? Возьми банку и отнеси в мусорную яму, – Лена даже не повысила голос.

Юш немного постоял для солидности, затем, не глядя на хозяйку, не спеша, вернулся, взял в зубы банку и понес ее к мусорной яме. Потрясенные студенты молчали. Пес аккуратно бросил банку в яму. Все захлопали в ладоши. Юш обернулся и с гордым видом посмотрел на студентов, словно хвастаясь: «Я еще и не то могу», затем нашел взглядом хозяйку и, прижав уши, извинился: «Я и сам хотел убрать, но только... немного погодя».

– Урнай показал Вам, как следует поступать с мусором. – Воинов, не мог упустить случая для назидания. – Территория лагеря всегда должна быть идеально чистой. В обязанности дежурных входит надзор за мусорной ямой, которую на ночь необходимо накрывать щитом, чтобы содержимое не растащили по лесу сороки и чайки. И каждое утро мусор должен быть упакован и готов для вывоза на городскую свалку.

Вечером все собрались у большого костра, бросающего миллиарды искр в таинственный сумрак белой ночи. В ведре дымился заваренный крепкий чай – самый

вкусный чай в мире. На холодном воздухе от кружек валил пар.

Я рассказывал ребятам про свой опыт десантирования на дипломной практике, когда после прыжка с вертолета чуть не утонул в болоте, и что в настоящее время самым классным специалистом по заверке гамма-аномалий является наш выпускник геолог аэропартии Невской экспедиции Саша Снытко.

Под аккомпанемент гитары ребята с чувством исполняли песню геофизика Сергея Лебедева «Судьба геолога»:

На далеком Севере
Ветры дуют стужие,
На далеком Юге
Расцвели сады.
По Востоку Дальнему
Носятся тайфуны,
На далеком Западе
«Всё хотят Войны!».

В Центре – Казахстанская
Степь лежит широкая,
Время поглотившая
В бездну Бытия...
На земле – ни кустика,
На небе – ни облака...
Лишь Судьба Геолога
Верная моя.

Как же мне ту степь пройти
Вдоль ли, поперек ли?

Как же мне руду найти?
Для Страны родной...
Я консервы кушаю,
Слушаю приемник:
Что творится в мире там,
В мари голубой?

На далеком Севере
Ветры дуют стужие,
На далеком Юге
Расцвели сады.
По Востоку Дальнему
Носятся тайфуны,
На далеком Западе
«Всё хотят Войны!».

Девушки прогревали у костра бязевые вкладыши для спальников. Нас ожидала первая самая холодная ночь. На первых двух учебных практиках в Саблино и в горном Крыму на базах были кровати и одеяла, а здесь многим впервые предстояло спать на промороженной сырой земле.

Печки мы не использовали, так как боялись, что студенты не уследят, и случится пожар, а палатка горит пять минут. Но, обычно, холода стояли не больше двух-трех дней, затем погода налаживалась, и студенты даже загорали, а некоторые купались в ледяной воде.

Разошлись за полночь.

В свой палатке я постелил на мокрую траву толстый полиэтилен и положил на него вытертый солдатский полушубок, в котором отец вернулся с войны. Укрылся фронтальной плащ-палаткой, пробитой в двух местах пу-

лями. Эту плащ-палатку в конце войны подарил отцу боевой товарищ, который утверждал, что пули, как и снаряды, два раза в одно и то же место не попадают. Вот уже пятый полевой сезон я брал плащ-палатку с собой на практики и в экспедиции.

По брезенту снова забарабанил дождь. Для меня эти звуки, как хорошая музыка. Обычно под шум дождя я засыпаю с чувством глубокого удовлетворения, как будто закончена важная и тяжелая работа.

Утро выдалось светлое и яркое. От вчерашней непогоды не осталось и следа. На ажурной паутине, растянутой между елями, словно алмазы в дорогой диадеме сверкали капельки росы. Высоко в небе серебрились перистые облака. Ладожское озеро застилал туман, стоял полный штиль. Чайки сидели на воде и истошно орали на всю округу.

Вдруг раздался необычный гул, это многотысячные гусиные стаи неторопливо разворачивались над озером перед полетом к северу. Сердце сладостно защемило от птичьего гомона, как будто дикие гуси позвали меня с собой в далекую заполярную Лапландию:

«Ну, что ты стоишь, полетели с нами!»

А в тундре еще зима и куропачи с налитыми кровью бровями в любовном азарте гоняются по синему ноздрястому снегу за изящными куропатками. И пушистые белые песцы терпеливо следят за своей добычей, осторожно выглядывая из распадков. И повсюду стоит одуряющий запах весеннего снега. Я где-то читал, что снег не может иметь запаха. Интересно, что же тогда пахнет в снежной тундре, когда даже чахлая растительность занесена снегом больше чем на метр. Это пахнет весна.

У самого берега громоздился огромный валун. На нем до сих пор сохранились следы масляных красок из моего этюдника. Это случилось на прошлогодней практике, когда я засиделся со студентами у костра – пели песни и травили разные байки. В три часа ночи стали расходиться, но рассвет полыхал в полнеба, и спать совсем не хотелось. Пленный игрой красок над утренней Ладогой я пристроился с маленьким этюдником у этого камня. Меня, как настоящего художника, наконец-то, посетила Муза. Но пока я неумело смешивал краски на палитре, освещение и цвет неба быстро менялись. Муза вдохновляла меня, как могла целый час, но от созерцания моей мазни терпение ее закончилось и, она незаметно исчезла. Этим воспользовался бог сновидений Морфей, который подкрался и утащил меня в страну грез. Проснувшись, я обнаружил, что во сне упал на палитру, измазав разноцветными масляными красками штормовку и камень. Больше Муза меня не посещала.

В первое утро я был дежурным преподавателем. Надо было разбудить повариху, дежурных и помочь им приготовить завтрак.

Старшим дежурным был назначен Алексей Морозов, поступивший в университет после трех лет службы в армии, а я был научным руководителем его курсовой работы. Когда Алексей сильно запоздал со сдачей курсовика, то, по существующей тогда на кафедре традиции, оценка за работу должна быть снижена ему до трех баллов. Выслушав предупреждение, бывший сержант с достоинством ответил: «раз положено, то снижайте». Прочитав курсовую работу, я был приятно удивлен точностью петрографического описания гранитов и ясно-

стью изложения материала. Честно скажу, что больше таких курсовых работ у меня не было. В коридоре я объявил Алексею, что передумал, и решил, в виде исключения, повесить ему оценку до пяти баллов.

«Решили, так повышайте!» – просто ответил студент.

Вечером у костра я наказал Алексею, чтобы он на ночь привязал к руке веревку, а ее конец оставил снаружи палатки. Так что утром мне не надо тревожить всех студентов, а дернуть за веревочку и разбудить дежурного.

Утром Урнай по-приятельски салютовал мне взмахом пушистого хвоста, как бы спрашивая:

«Дежурных пойдем будить, что ли?»

Пес чувствовал во мне начальника и по экспедиционному опыту знал, что с начальством лучше дружить.

Я направился будить дежурных и повариху. Около входа в палатку, в которой жил Алексей вместе с тремя ребятами, на мокрой земле лежал конец веревки. Два первых осторожных подергивания никакого эффекта не дали. Я сильнее дернул веревку и в палатке раздался душераздирающий вопль, как будто у Алексея оторвалась рука. Испугавшись, я бросил веревку на землю и ее конец, извиваясь словно змея, уполз под брезент входа. В палатке слышались голоса, чуть ли не ругань. Через пару минут наружу наконец-то выполз заспанный дежурный.

– Ты чего орал на весь лагерь? – спросил я Алексея.

– Это не я, а Старшина.

– А он чего орал?

Алексей небрежно махнул рукой:

– К нему еще в армии привязался один дурацкий сон, будто его вешают. А вчера вечером, пока я залезал в спальник, то временно накинул на шею Старшине веревочную петлю, потом забыл снять и уснул. Ну и утром так совпало, когда вы потянули за веревку, ему как раз и снился этот страшный сон, вот он и заорал.

Лицо студента выражало искреннюю простоту и абсолютную невинностью. Я по достоинству это оценил, так по собственному опыту знал, как трудно сделать такое лицо. Стало ясно, что это аукнулись мои рассказы про хохмы молодости.

– Я же мог его случайно задушить.

– Ну, это вряд ли, вы же гуманный человек.

– Иди, разбуди второго дежурного, и разводите костер.

На второй день руководитель практики доцент Львов Борис Константинович, или как его за глаза сокращенно называли БК, получил из Ленинграда телеграмму и срочно собрался в загранкомандировку в Швейцарию на заседание международной комиссии по классификации магматических горных пород. Он был специалистом в области минералогии гранитов.

Перед отъездом БК показал мне, где в его экспедиционном вьючном ящике находится медицинская аптечка и НЗ – плоская фляжка со спиртом.

– Использовать только в самом крайнем случае, – строго предупредил он.

Я заверил руководителя, что после практики эта фляжка вернется в университет на кафедру вместе с вьючником в целостности и сохранности.

Преподавателями на две группы студентов остались мы с Воиновым.

С Александром Сергеевичем всегда было очень легко и приятно работать. Спокойный, уравновешенный доброжелательный к студентам он все делал без суеты и, главное, вовремя. В суматошный день отъезда на эту практику, студенты и преподаватели бегали по кафедре, собираясь в дорогу, и только Воинов никуда не торопился, так как у него все было собрано заранее. Он приставал ко всем с просьбой дать ему гвоздик. Народ отмахивался, так как найти гвоздик в такой суете было уже невозможно.

«Он тебе нужен для того, чтобы забить его в кол палатки и повесить куртку, когда установим лагерь?» – вдруг сообразил я.

«Конечно, при установке лагеря, гвоздик будет найти сложно», – ответил Александр Сергеевич.

Два дня ребята делали глазомерную топографическую съемку – вычерчивали на ватмане план, на который наносили извилистые очертания берега мыса Ристиниеми, лесные тропинки, болотца, и обрывы. И так качественно они это сделали, что потом, когда мы наложили их схему на топографический план, то очертания мыса совпали полностью. Так что ребята не халтурили.

Три дня отводилось на геологическую съемку. Студенты под нашим руководством ходили маршрутами по профилям, которые сами и провешивали по компасу. На топографическую схему они наносили выходы различных горных пород, границы между ними и, в конце концов, получалась схема геологического строения участка.

Вечером, сидя на бревнах у костра, я проверял полевые дневники, в которых студенты записывали геологи-

ческие маршруты, топографические привязки обнажений горных пород и их названия. Ребята двух бригад, у которых я был руководителем, с дневниками в руках сидели в очереди в ожидании проверки и дружно смеялись, когда я вслух зачитывал очередные студенческие перлы, сопровождая их своими комментариями. Надо заметить, что при такой методике ребята сразу запоминали ошибки своих товарищей и их не повторяли.

В одном дневнике я прочитал совершенно замечательное определение: «порода очень похожая на гранит».

– Жаль, что Львов уже уехал в Швейцарию на комиссию по классификации гранитов, – заметил я.

– Это почему же? – насторожился студент, у которого я проверял дневник.

– Потому что в твоём дневнике заложена основа совершенно гениальной по простоте классификации магматических горных пород, в которой выделяются всего четыре класса:

Порода очень похожая на гранит,

Порода похожая на гранит,

Порода не похожая на гранит,

Порода совершенно не похожая на гранит.

Ребята закончили геологическую съёмку и четыре дня отводились на геологические маршруты

Студентка Алёна Макарьева и наша повариха лаборантка Лена Руденко целый вечер ныли, что давно пора съездить в городскую баню. На другой день в маршруте мы наломали в лесу березовых веников. Алексей Морозов – великий специалист по русской бане показал студентам, как надо вставлять в середину веника ветки можжевельника. На обратном пути заскочили в лагерь, забрали Лену и оставили дежурным одного из студен-

тов. По дороге в город я вдруг засомневался, сколько отделений в Питкярантской бане одно или два. Если одно, то мужчины и женщины должны мыться по очереди в разные дни. Я поделился своими опасениями со студентами.

– Ничего страшного, – не смутились ребята, – если сегодня мужской день, то нас много и наши девочки смогут помыться за простыней. Вряд ли местные мужики станут возражать. Ну, а если женский день, то нас, конечно, не пустят.

По дороге в баню, один из студентов рассказал о своей службе в Германии:

– Однажды я перегонял грузовик из одной воинской части в другую. В пути, конечно, испачкался и решил помыться в общественной бане в небольшом немецком городке. Протягиваю кассирше десять марок – билет купить, а она уставилась на меня и вдруг спрашивает:

«Фамилиен!»

В первый год службы я по-немецки почти ничего не понимал – в школе французский учили, ну и решил, что она зачем-то спрашивает мою фамилию, и сразу насто-рожился. Зачем, думаю, кассирше понадобилась моя фамилия? Может, это военная тайна! Не зря нас замполит бдительности учил, так я тебе и сказал свою фамилию. А может Вам еще и номер части сказать? Решил соврать и отвечаю: «Петров».

Она снова: «Фамилиен таг!»

То, что слово «таг» переводится на русский язык как «день» я уже знал, но не обратил внимания, и снова говорю: «Петров».

Она в третий раз: «Фамилиен таг!»

Ну, думаю, достала бабка, в голове у нее что-то за-
циклилось. Захотелось мне ответить ей по-немецки что-
нибудь веское, но кроме как «Хенде хох» ничего вспом-
нить не смог. И кассирша словно поняла меня, отстала и
дает мне билет и сдачу.

Только потом узнал, что она не фамилию мою спра-
шивала, а предупреждала, что сегодня семейный день,
и немцы моются семьями.

Захожу в отделение, а там все голые – мужчины,
женщины, дети. А парень я молодой и к тому времени
голых женщин в натуре первый раз в жизни увидел.
Прикрылся тазом, и бежать в раздевалку. А деньги мне
кассирша вернула.

– Карелы, финны и вепсы тоже моются в банях семь-
ями, – сообщил Воинов.

– Что, и в общественных банях тоже? – удивились
студенты.

– Да, тоже.

– Ну, тогда мы точно всей группой помоемся.

Подъехали к городской бане, и тут я вспомнил, что в
ней все-таки два отделения. Но вешалки с сиденьями
почему-то стояли перед входом на улице и баня, без со-
мнения, закрыта на профилактический ремонт.

– В карельских банях раздевалка находится на улице,
– с серьезным видом сообщил Александр Сергеевич.

Но студенты не поняли шутки.

– Нехило! – прокомментировали ситуацию девицы.

– Это ерунда, – бодро заявили ребята.

– И, как всегда, две новости – хорошая и плохая, ка-
кую говорить первой, – спросил я.

– Хорошую! – дружно воскликнули девицы.

– В бане два отделения – мужское и женское.

– Ура! – закричали студенты и захлопали в ладоши.

– А плохая новость? – осторожно поинтересовались девицы.

– Видите, если никто не раздевается, значит, баня закрыта на ремонт.

Девчонки сразу помрачнели, ребята тоже. Не унывал только непревзойденный парильщик Алексей Морозов.

«Пару мне, поддайте пару!» – кричал он на весь автобус, и хлестал себя веником, чтобы развеселить приунывших студентов и особенно девчат.

Не солоно хлебавши, мы вернулись в лагерь. Неунывающие студенты дурачились и бегали по поляне, в попытке догнать Лешку Морозова и отхлестать его бесполезными березовыми вениками. Повариха Лена с дежурным студентом бросились разводить костер, чтобы разогреть обед.

– Что-то знобит, – Воинов пощупал свое горло, – сейчас бы кружку горячего полярного чая.

– Ведро с водой закипит через полчаса, предупредила Лена, – вы как раз успеете переодеться и умыться.

В палатке было холодно и сыро. У меня даже мелькнула мысль установить маленькую полевую печку – в брезентовой крыше палатки имелось отверстие для трубы. Я живо представил себе, как деловито загудит печка, распространяя сухое тепло, и на потолке запляшут красные блики, словно разыгравшиеся рыжие белки. Но устанавливать себе печь – некрасиво перед студентами. Потерплю.

Погода испортилась, и задул холодный западный ветер. Редкими зарядами налетал мелкий дождь, то ледяная крупа вдруг дробью барабанила по брезенту крыши. Я взял мыло, полотенце и вышел из палатки. На Ладого

разгулялась хорошая волна, и стало ясно, что с берега будет не умыться, только обувь промочишь.

Посередине залива на волне болталась резиновая лодка, и доносились какие-то нечленораздельные звуки. Наверное, рыбаки опять напились, и душа их требовала песни. Судя по неразборчивым воплям, они проходили вторую стадию опьянения и приближались к третьей. Еще вчера вечером, когда на озере стоял полный штиль, я отправился на берег умыться и почистить зубы. На камнях лежала большая резиновая лодка. У костерка сидели три рыбака, и смачно пили водку. Я пристроился на плоском камне, с которого всегда умывался. Вдруг метрах в трех от меня гладь воды забурлила, и показались спинные плавники трех крупных рыб. Судя по их размерам, они весили килограммов по десять. Вот уж не думал, что в Ладоге водятся такие гиганты.

«Мужики, – крикнул я рыбакам, – здесь огромные рыбины плещутся у самого берега».

«Это язи на икромет подошли, – небрежно ответил один из рыбаков, – они такие огромные, что в сети не попадают».

Стоять на морозящем дожде было неприятно, и я вернулся в палатку. С берега озера снова донеслись пьяные нечленораздельные выкрики.

«Рыбакам и дождь нипочем, набрались и теперь будут горланить всю ночь», – с раздражением подумал я.

Вдруг у меня тоже заболело горло. Внутренний голос сразу потребовал, чтобы я немедленно выпил стопку спирта для профилактики. По многолетнему опыту я знал, что спорить с ним бесполезно: «уж если он чего решил, то выпьет обязательно». Пришлось согласиться.

Приготовив на закуску два бутерброда из черного хлеба со шпиком и луком, я завернул их в бумажную салфетку, и отправился в командирскую палатку, с целью уговорить Учителя совершить маленьких грех – выпить по рюмке спирта перед обедом. Я тихонько постучал ладонью по брезентовой крыше палатки.

– Кто стучится громко тут, видишь, нету здесь никто! – речитативом спросил Воинов.

– Это я, твой ученик, я закуску нам принес, – в рифму ответил я.

– Заходи.

Как только я вошел в палатку Александр Сергеевич сразу сказал «да», еще до того как я успел открыть рот и произнести заготовленную пламенную речь, о необходимости беречь как зеницу ока здоровье преподавателей. Или это предательский внутренний голос изобразил на моем лице «низменные» желания или все вепсы действительно проницательные колдуны, читающие мысли.

– Пём? – с едва уловимым угро-финским акцентом уточнил Воинов, и достал баночку с солеными грибами, подаренную нам Матти Тороненом.

Мы извлекли из командирского вьючного ящика плоскую фляжку со спиртом.

– Что ты скажешь БК в свое оправдание? – поинтересовался Воинов на всякий случай.

– Вьючник стоял в твоей палатке, – с тонким намеком пошутил я.

Воинов сразу насупился, что могло привести к срыву блестящей профилактической операции по предупреждению острых респираторных заболеваний.

– Фляжку я верну, а про спирт никаких обещаний не было, – успокоил я Учителя.

И тут, как назло, оказалось, что в палатке нет ни кружки, ни стакана.

– Схожу к костру, незаметно возьму две кружки и принесу воды, – предложил Воинов.

В приоткрытую дверь палатки я наблюдал, как Александр Сергеевич подошел к длинному обеденному столу и взял из кухонного таза для посуды две кружки. Не спеша, он направился искать ведра с водой, для конспирации напевая древнюю вепскую песню что-то типа:

«Ёла, ёла,
плыли куси».

«Ведро, под елью стоят, – с раздражением подсказал Воинову мой внутренний голос, – зачерпни воды и быстро в палатку».

Но судьба распорядилась иначе. К Александру Сергеевичу с полевым дневником в руках подошла Алена Макарьева – единственная студентка в группе радиоактивщиков. Алена была вепса, и Воинову очень импонировало, у этого маленького народа такие умные и красивые девушки. К тому же Алена была его курсовичка, а ее старший брат, несколько лет назад закончивший нашу кафедру, писал у Войнова дипломную работу и после окончания университета успешно работал в урановой экспедиции. Воинов чувствовал, что из Алены получится настоящая геологиня, и не ошибся.

Дождь закончился, но холодный ветер гнал с Ладоги низкие серые облака.

Преподаватель и студентка перевернули бревно сухой стороной кверху и уселись на него поближе к костру. Воинов приступил к обстоятельному рассказу о ис-

тории геологического развития Карело-Кольского региона, начиная с Архейской эры начавшейся три с половиной миллиарда лет тому назад. Это все равно, что рассказывать историю древнего Рима, начиная с палеолита. Я всегда подтрунивал над Учителем, и предлагал ему во время бесед с Аленой следовать старой угрофинской традиции: древние финны и карелы из уст в уста нараспев передавали руны Калевалы, взявшись за руки и глядя друг другу в глаза.

Под столом, свернувшись клубком на куске картона, прятался от дождя Урнай.

– Юш, иди ко мне, – позвала собаку Алена.

В последние дни по вечерам она наладилась греть ноги, положив их на теплую собачью шерсть.

Урнай не шевельнулся и только повернул ухо в сторону Алены.

«Сейчас, разбежался, – подумал пес, – мусор за ними убирай, да еще и ноги грей. Только пригрелся на сухом картоне и снова ложись на мокрую землю? Обойдешься. В конце концов, у меня хозяйка есть».

– Иди сюда, что-то дам, – тихо сказала Алена.

Пес поднял голову, увидел кусок сахара в руках студентки и подумал: «Так это ж совсем другое дело!» Он встал, посмотрел налево, направо и для страховки понюхал воздух, пытаясь определить, где находится хозяйка. Лена запрещала ему брать подачки от студентов.

– Её нет, иди сюда, – снова позвала Алена.

Юш подошел, предварительно еще раз оглянулся и аккуратно взял сахар зубами. В этот момент из-за палаток появилась хозяйка и со вздохом произнесла:

– Собака просит, какой позор!

Пес выплюнул сахар и, стыдливо прижав уши, отправился прочь.

«Чувствовал, что нарвусь на неприятность, чтоб вы провалились со своим сахаром!» – подумал он.

– Леночка, это я виновата, – извинилась Алена, – а он пришел ко мне греть ноги. Разреши собаке взять от меня сахар, пожалуйста!

– Ладно, Юш, возьми.

Урнай быстро, но без поспешности вернулся, съел сахар, и без особого удовольствия свернулся клубком у ног Алены. Студентка засунула под теплый собачий бок носки своих мокрых тапочек.

«Ну, эта песня надолго, кружек нам не видать, – завыл мой внутренний голос, – поищи в аптечке, там была какая-то рюмка».

И действительно, в экспедиционной аптечке нашлась небольшая мензурка из толстого зеленого стекла совершенно непонятого назначения. Возможно как раз для такого случая. Получалось, что я не выпиваю тайно, а действительно лечусь. Но нечем было разбавить спирт. Идти за водой к костру, а потом с кружкой в палатку на глазах у студентов было неудобно.

«Выпьем здесь, – подсказал внутренний голос, – а потом выйдем к костру и очень естественно запьем спирт водой».

В рюмку поместилось ровно двадцать граммов спирта, как раз столько, чтобы студенты не заметили, что преподаватель выпил. Я слышал на западе после такой дозы можно даже за руль садиться.

Хлебнув из рюмки, я вышел из палатки и стал искать кружку.

И тут порыв ветра донес с Ладоги истерический вопль: «Помоги...те, помоги...те...»

Я сразу понял, что крик исходил от резиновой лодки в заливе. Скорее всего, пьяные рыбаки все-таки перевернулись. Забыв выпить воды, я помчался к берегу. Студенты гурьбой за мной.

На берегу стало видно, что в середине залива на волнах качается перевернутая резиновая лодка. До нее было метров двести. Рыбак держался за днище лодки и орал дурным голосом: «Помогите!» Дальше за лодкой метрах в двадцати в сторону открытой Ладоги виднелись головы еще двух рыбаков, а может на волнах болтались какие-то предметы.

Сняв энцефалитку, я сбросил с ног кеды и разделся до плавок. Студенты тоже стали раздеваться. Я вдруг сообразил, что если спасти рыбаков поплывет такая толпа, то можно недосчитаться половины. Потом выяснилось, что один из студентов вообще не умел плавать, но разделся и зашел в воду, за компанию! Не зря говорят, что за компанию и удавиться можно. Когда его потом спросили, зачем он полез в воду, он ответил, что ему было неудобно перед ребятами.

Вода была такая холодная, что обжигала кожу. Я краем глаза заметил, как Алёна зашла в воду по колено, и вся покраснела как ошпаренная.

– Ну-ка, все назад, – осадил я толпу студентов, ринувшуюся в воду, – со мной только старики – ребята отслужившие в армии. Мы со Старшиной плывем к лодке, а Леша Морозов и Андрей спасти тех двух рыбаков, видите их головы дальше за лодкой.

Заходить в воду пришлось на четвереньках, перебирая руками по скользким обросшим водорослями ока-

таннным валунам. Наконец я выбрался на глубину и подстегиваемый истошными воплями тонущего рыбака рванул к нему кролем. Делать выдох в воду оказалось совершенно невозможно. Голову ломило от ледяной воды, так, что дух захватывало. Пришлось плыть саженками.

Но через несколько метров у меня перехватило дыхание – это напомнил о себе спирт, который я не успел запить водой. И тут на помощь пришла волна, которая была в лицо и помогла сделать пару глотков.

«Ну, вот, и запили спирт водичкой», – ехидно хихикнул мой внутренний голос.

Мне казалось, что, после многолетней тренировки в университетском бассейне, я отлично плаваю, но студенты быстро меня обогнали. Старшина по морскому обычаю плыл в тельняшке впереди меня.

Мы подплыли к лодке и увидели, что это была всего лишь перевернутая вверх днищем одноместная резиновая «галoша» без надувного днища. Вокруг борта почему-то не было стандартного веревочного штормтрапа. Рыбак держался на воде, положив обе руки на днище и рискуя каждую секунду соскользнуть и утонуть. Кричать рыбак уже не мог, но наше появление заметил. Он был одет в ватник, который намок от воды и тянул его вниз.

Первым к рыбаку подплыл старшина. Парень служил во флоте и был в хорошей физической форме.

– Не трогай его, – предупредил я студента, – заплыви с другой стороны, и когда я его оторву от лодки, быстро ее переверни и залезай сам. А потом затащим в лодку рыбака.

Я подплыл к рыбаку сзади и крепко схватил его двумя руками за ватник. Он хотел развернуться и вцепиться в меня, но я строго предупредил:

– Не вертись и слушайся меня, я сейчас оторву тебя от лодки, но не вздумай схватить меня руками, так как мы сразу вместе утонем.

Рыбак кивнул головой, показывая, что понял. Но я не был уверен, что от страха он все-таки не схватится за меня.

– Предупреждаю, если только ты попытаешься меня схватить, я тебя сразу отпущу, и ты утонешь один, понял? Кивни головой.

Рыбак снова кивнул головой.

– Переворачивай лодку, – крикнул я студенту и резко отдернул рыбака.

Он был такой тяжелый, что быстро пошел вниз. Мне пришлось нырнуть глубже и, изо всех сил работая ногами, вытолкать его на поверхность. Но и сам я стал задыхаться. Не отпуская рыбака, я всплыл глотнуть воздуха. От ледяной воды голова так сильно болела, что рябило в глазах. Старшина уже перевернул лодку и залез в нее. К счастью весла остались в ключинах. Без поддержки рыбак стал медленно погружаться и от страха лупить руками по воде. Эта небольшая истерика помогла ему остаться на поверхности в течение минуты, а мне отдышаться. Андрей схватил рыбака за ватник и потянул в лодку. Я сделал вдох и снова, поднырнув под рыбака, подтолкнул его вверх, интенсивно работая ногами. От чудовищной головной боли чуть не потерял сознание. Наконец тело рыбака пошло вверх, и я вынырнул на поверхность. Еле отдышавшись, помог Андрею затолкать рыбака в лодку. Но силы мои иссякли

полностью. Не только плыть, но и держаться на воде я уже не мог и стал тонуть. Андрей сообразил подать мне весло, за которое я ухватился, и не пошел ко дну. За пару минут удалось отдышаться, и силы постепенно восстановились. Как в боксе за минутный перерыв между раундами, надо уметь восстановить силы.

Подплыли ребята. Оказалось, что вместо тонущих рыбаков на волнах болтались разные вещи – насос для надувания лодки и резиновая подушка. Ребята зачем-то притащили их с собой и забросили в лодку. Они тоже устали и не было сил плыть к берегу. Мы втроем ухватились за резиновый борт, и Андрей налег на весла. Но лодка с таким грузом на волне почти не двигалась.

– Мы так совсем замерзнем! – крикнул Лешка Морозов, – поплыли самостоятельно.

Студенты отцепились от лодки и поплыли к берегу. Я передохнул еще минуту и за ними. Но, оказалось, что самое сложное в спасении состояло не в том, чтобы быстрее доплыть до тонущего рыбака и даже не в том, чтобы вытолкать его из под воды и загрузить в лодку, а в том, чтобы не утонуть на обратном пути. Силы, казалось, совсем покинули меня. Но утонуть на глазах у студентов на обратном пути, было бы не интересно.

«Врешь, не возьмешь!» – повторял я, как Чапаев в фильме, и упорно плыл к берегу.

Как медленно я не плыл, но все-таки обогнал резиновую лодку, которую еще и сносило ветром. Студенты уже вылезли на берег и поднимались в лагерь к костру. Я устал смертельно, будто отработал пятнадцать раундов на ринге. На четвереньках выполз на берег, но встать на ноги не смог, словно получил тяжелый нокаут.

Подскочили студенты, подхватили меня за руки и помогли подняться.

– Веник мне принесите, – кричал Лешка Морозов. У него еще оставались силы дурачиться.

Лена в недоумении подала ему веник, и Леха стал хлестаться им как в настоящей бане.

– Может поддать? – предложила Алёна, и взяла в руки ведро с ледяной ладожской водой.

– Нет, пару вполне достаточно, – отказался Леша.

Алена все-таки не удержалась и плеснула холодной водой из кружки на голую и мокрую спину Алексея, который от неожиданности вскрикнул и возмутился:

– Ты что, с ума сошла? Я же заикаться стану.

– Ничего не смогла с собой поделаться, уж больно ты горяч! – Алена подала Алексею полотенце.

Она еще не знала, что перед ней ее будущий муж и отец ее детей, а через несколько лет она станет преподавателем университета Аленой Борисовной Морозовой, и будет проводить здесь со студентами геологическую практику.

Тем временем причалила лодка, и студенты вытащили из нее рыбака. Он не мог стоять, и ребята дружно схватили его за руки и за ноги и потащили к костру. Пока рыбака раздевали, Воинов принес из командирской палатки аптечку и фляжку со спиртом. Он налил в рюмку спирт и приказал студентам, как следует растереть спасенного.

Рыбака раздели, растерли шерстяным свитером, переодели в сухие вещи, посадили к самому костру и укутали с головой моей брезентовой плащ-палаткой. Ноги в теплых шерстяных носках засунули в маршрутный рюкзак. От сильного переохлаждения у рыбака начались су-

дороги ног. Он морщился, стонал, растирал икры и вдруг стал громко икать. Лена Руденко подала ему полкружки сладкого горячего чая. Воинов хотел добавить туда ложку спирта, но рыбак затряс головой и замычал, всем своим видом показывая, что этого делать не надо. Руки у него тряслись, как у паралитика и удержать в руках кружку с чаем, он не смог. Пришлось Ленке поить его из столовой ложки.

Ребята, которые со мной плавали, от растирки категорически отказались.

– Мы внутрь примем, – заявил за всех Леха.

Воинов плеснул ребятам в кружки немного спирта. Лена принесла воды.

– Мы пьем чистяк, – отказался Алексей, – ну, с легким паром, за баню по-карельски.

Ребята чокнулись кружками.

– Прав был Суворов, когда говорил: «Год не пей, два не пей, а после бани выпей!», – авторитетно заключил Алексей и запил спирт водой.

Александр Сергеевич поднес мне кружку с горячим и крепким полярным чаем. Тепло ударило в желудок и мягкой волной разлилось по всему телу

Только через полчаса рыбак пришел в себя. Язык у него еще заплетался как у пьяного, но он объяснил, что зовут его Василий Иванович, он за рулем, и поэтому отказался от спиртного. Рыбак рассказал, что перегнулся через борт лодки, проверяя сеть, а волна вдруг ударила в днище и лодка перевернулась. Оказалось, что он полчаса кричал «геологи» и его крики я принимал за вопли пьяных рыбаков на берегу. Ну а когда не стало сил держаться, заорал «помогите», и на его счастье ветер донес до нас вопль о помощи.

В лесочке у рыбака был спрятан мотоцикл и в коляске находились теплые сухие вещи. Он переоделся, поблагодарил нас и уехал.

Студенты надеялись, что в виде благодарности за спасение рыбак отвалит нам рыбы, и мы сварим уху. Я объяснил им, что ловля рыбы сетями в это время запрещена, и рыбак по существу являлся браконьером. Поэтому испугался и не приехал.

Но за пару дней перед отъездом на территории лагеря лихо развернулись два мотоцикла с коляской. Одной из машин управлял Василий Иванович, другой молодой парень.

Наш спасенный достал мешочек с вяленой рыбой и отдал студентам.

– Это мой зять, Виктор, – представил Василий Иванович молодого. – Баня готова, начальник, – заявил он, обращаясь ко мне.

– А также уха и пиво, – добавил Виктор, – можем взять с собой четверых.

Я позвал ребят, которые вместе со мной спасали рыбака, и нас отвезли в баню на дачный участок. Лешка Морозов так отхлестал меня в парилке двумя березовыми вениками, что кожа покрылась красными полосами. Уха из ладожских сигов была по высшему разряду.

Так что баня по-карельски все-таки состоялась.